

18+

Глеб Карпинский

ТЕМНАЯ ЛОШАДКА

Мистическая повесть

Глеб Карпинский

Темная лошадка.
Мистическая повесть

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Темная лошадка. Мистическая повесть / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931824-4

«Темная лошадка» — мистическая повесть с элементами легкой эротики. Главный герой около трех лет живет на земле, на хуторе, выращивает молодой виноградник. Он одержим идеей создать свой шато, ничуть не хуже, чем во Франции. Но страшная засуха вносит свои коррективы. Растения погибают, вода становится на вес золота. Отчаявшись, главный герой готов отдать все за каплю дождя. Мистические силы предлагают ему сделку. На кону стоит любимая женщина. Что же он выберет?

ISBN 978-5-44-931824-4

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

1. Пожар	6
2. Напрасные надежды	8
3. Ужин в Ницце	10
4. Je veux que tu me fasses jouir	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Темная лошадка Мистическая повесть

Глеб Карпинский

*Когда рука взмахнула на прощанье,
И губы прошептали боль,
Чтоб одолеть Вселенной расстоянье,
Творец создал любовь.*

Редактор Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2025

ISBN 978-5-4493-1824-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Пожар

Над хутором стояла адская жара. Вот уже середина лета, и ни одного дождика. Лишь роса по утрам слегка трогала повядшие листья кабачков, но разве это дело! Температура днем под палящим солнцем поднималась за сорок. Любое движение давалось с усилием. Все живое спасалось в тени акаций, а люди сидели по хатам. Лишь на полях шла работа. Там собирали урожай пшеницы. Странное дело, начало июля, а гигантский комбайн тарыхтел, срезая низкие, уже начинающиеся обсыпаться на степном ветру колосья. Пройдя все поле и вернувшись, он подъезжал к грузовой машине, стоявшей на окраине, и зерно спешно сыпалось в кузов. Потом, порожний, он вновь шел по полю, по новому ряду, и так повторялось несколько раз.

Егор стоял на холме и смотрел на работу хлеборобов. Все это он видел и в прошлом, и позапрошлом году, но обычно в августе. Да, в этом году лето выдалось очень знойным, даже по меркам юга, жара спутывала планы, губила надежды. Словно в наказание, все свалилось на Егора. Видно было, как на небритом загорелом лице его ходят широкие скулы. Солнце нещадно жгло и его молодой виноградник. Он вспомнил, нахмурившись, как копал глубокие ямы, как насыпал в них перегной и щебень, как рубил опоры из колючей акации, раздирая руки в кровь. Да и сами саженцы дорого обошлись ему, чего стоила их доставка сюда от моря, из питомника, ну что тут считать! Обиднее всего было, сколько сил он приложил, сколько времени потратил, чтобы здесь был сад. И все это шло коту под хвост. Засуха каждый день душила по кусту, и он ничего не мог с этим поделать. В июне еще корни держались, и то была вода в кране, и он поливал виноград из ведра, бродя по длинным рядам туда и обратно по несколько раз за день. Затем напор воды стал ослабевать, и приходилось поливать наиболее слабые и особо нуждающиеся в поливе растения. Но потом вода и вовсе в кране иссякла, она шла только ночью тоненькой струйкой, и ее едва хватало на обеспечение жизнедеятельности самих людей, поливы запретили. Все надеялись на большой дождь, его вот-вот ожидали, но он не приходил, и каждый вечер, всматриваясь внимательно в безоблачное небо, Егор напрасно гадал «пойдет – не пойдет».

Дождь даже снился Егору. Во сне он слышал, как ветер раскачивает ветви деревьев, как гремит где-то вдали протяжный гром, и первые удары капель о листья... И Егор был уверен поутру, что дождь все же был, что даже когда он посмотрел в окно и увидел привычную картину засухи, то у него была еще слабая надежда на то, что солнце просто высушило следы дождя. И он очень жалел, что не смог этой ночью встать с постели, что силы оставили его, и он лежал на животе, уткнувшись в подушку лицом в какой-то опустошенной и безвыходной позе, словно потерпевший кораблекрушение матрос, чудом спасшийся во время шторма и прибитый течением к берегу, не в силах ни поднять голову, ни пошевелить членами. Вот так он и лежал, слушая кажущийся шум дождя, и наивно улыбался, благодаря Господа за милосердие к нему и всему живому.

Потом, когда он уже вышел во двор, то с большим разочарованием осознал, что все это ему привиделось, что никакого дождя не было, и солнце продолжает сжигать землю, а виноград умирает, сбрасывая листья и усыхая на корню. Он еще долго ходил печальным по его безжизненным рядам, не в силах помочь корням, и ему хотелось плакать. Рядом на соседском поле росли подсолнечник и кукуруза, но эти растения не сильно страдали от засухи, и Егор впервые позавидовал их упорству и жизнестойкости.

«Почему они тянутся к солнцу, а мой виноград умирает? – подумал он в досаде. – Что я делал не так?».

И в этот момент к его страданиям прибавился еще и запах гари, и в небе уже кружили хлопья пепла, слышалось огненное потрескивание, и все это очень быстро шло от леса, кралось набегом по низине в сторону камышей, обходя посевы пшеницы буквально в нескольких метрах. И уж тут должно было полыхнуть так, что даже высокий орех мог затеряться в этом огненном зареве. Этот орех рос на склоне холма, почти у его подножия, рядом с камышовыми зарослями. Он первым встречал надвигающееся смертоносное пламя, уже окруженный дымом, и, как безумный самоубийца, протягивал к нему свои тяжелые от зеленых плодов раскидистые ветви и ждал первой боли. Егор спустился вниз наперерез и стал втоптывать сухую траву в землю, неистово бить тляпкой по огню, оголяя камни и глину. От такой бешеной работы на ладонях быстро образовывались ноющие мозоли, невыносимый жар обжигал, палил бороду, отбрасывал назад, но мужчина не щадил себя и верил, что уберезет такое красивое дерево от гибели. Но фронт огня был слишком широк, и языки пламени обошли препятствие и поползли быстро вверх на огороды, пожирая на глазах каким-то безжалостным нахрапом сухостой в посадках и нескошенные участки. Егор раскусил коварный план врага и бросился стремительно следом, на ходу пытаясь отсечь атаку пламени уже от виноградника. Но силы были не равны, и мужчина вдруг понял, что в одиночку проиграет эту битву, и жуткая горечь от предстоящего поражения сдавила душу, и все смешалось в удушливом и без того непросветном дыму. Благо резкий порыв ветра подул в спину, и где-то отголоском надежды в помутненном сознании раздались голоса, на помощь бежали люди.

2. Напрасные надежды

Пришла быстрая южная ночь, все погрузилось во мглу. Еще пахло дымом, и где-то трещали остывающие угли, но очаги были локальные. Пожар общими усилиями остановили почти у самых хат. Егор был мрачен. Ему в голову пришло понимание, что он живет не своей жизнью, что вся эта затея с виноградом, все эти чудовищные усилия создать здесь свой маленький шато не увенчались успехом. Может, сама судьба подсказывала ему, что нужно возвращаться в столицу, что земля и палящее солнце не для него, что местные крестьяне тут не подарок, и он совсем чужой среди них. Сейчас он готов был бежать, бежать куда угодно, лишь бы подальше отсюда. У него еще были сбережения, еще действовал загранпаспорт с шенгенской визой.

– Может поехать на две недельки в Ниццу? – спросил он жену. – Там есть хороший отель, там культура, свежие устрицы.

– Хорошая идея, милый. Это то, что нам сейчас не хватает, просто немного спокойного отдыха. Я уже мечтаю, как мы будем с тобой ходить за руку, слушая шум прибоя и целоваться. У меня есть красивый купальник. Ты даже в нем меня не видел ни разу.

Он доедал суп из крапивы, сваренный наспех женой, и на дне тарелки ловил ложкой вареный желток. Суп ему не нравился, да и есть не хотелось. Еще сильно ныл ожог на плече, но это были мелочи, два или три дня – и все затянется. Жена смазывала рану специальным кремом, заботливо перевязывала бинтом.

Он не сказал ей спасибо, а, впрочем, это было и не нужно, вечерами они часто молчали и занимались своими делами. Она или читала русскую классику, или шила, он обычно просто лежал, уставившись в потолок и мечтая о собственном винограднике, о том как он будет собирать урожай и делать вино. Каждый вечер до этого возникали новые идеи, то он строил в мыслях новый винный погреб, то придумывал необычные шпалеры, не такие как у всех...

В этот вечер жена не шила и не читала. Он не сразу заметил в ней перемены, и даже когда заметил, решил, что она просто из-за него сильно переволновалась, когда он останавливал пожар. В этот вечер она была с ним необычайно нежна, и сейчас прижималась к его груди, слушая, как бьется его сердце. А оно билось тревожно, и жена гладила ему грудь, целовала шею, подбородок, обвивала своими ногами его ноги, пыталась возбудить в нем желание. Но он не поддавался ее ласкам, не отвечал взаимностью, думая только о том, чтобы пошел дождь. Он верил, что рано или поздно дождь пойдет, и чувствовал себя, словно побитый воин после сражения, с достоинством и чувством реванша.

Егор посмотрел на ее спокойное, умиротворенное лицо. Сейчас у нее были закрыты глаза, и свет от луны, проникающий через окошко хаты, освещал ее едва заметную улыбку. Она любила его. За что и почему, он не знал, но это никогда не вызывало в нем сомнения. Вся ее жертвенность, вся ее нежность отдавались ему, не требуя ничего взамен, и он впервые почувствовал вину перед этой женщиной. Он продолжал ее целовать, целовать неохотно, слушая, как тихо стонет она под его ласками, и эта вина перед ней вдруг стала нарастать в нем снежным комом, душить сильнее сегодняшнего дыма. В его глазах блеснули слезы, и он спешно вытер их, чтобы не показать виду.

Потом он повернулся к ней спиной и сделал вид, что заснул, а она, тяжело вздохнув, села за стол читать книгу, и в приглушенном свете он слышал лишь изредка шелест страниц. В эту ночь Егор понял, что совсем не знает ее, что все эти два-три года совместной жизни он был только и занят этими саженцами, проводя все время на молодом винограднике... Он грустно улыбнулся, вспомнив все эти неудачные затеи, и все ради того, чтобы сделать эту женщину счастливой, обеспечить ей и себе будущее, ту финансовую независимость, которой сильно не хватало им, и сейчас, притворяясь уснувшим, он признавался себе, что был неправ, что ситуация зашла до невозможности далеко, и что нужно было давно остановиться и заняться другими, более выгодными делами в городе.

3. Ужин в Ницце

– Ты смеешься надо мной! – сказал Егор, садясь в приятное и мягкое кресло.

Он понимал, что его спутница не обязана ему верить, к тому же история, которую он ей рассказывал, выглядела слишком фантастичной. И в то же время он надеялся хоть на какое-то уважение, но она смеялась и смеялась, будто он рассказывал ей анекдоты. От всех этих разговоров у него пересохло во рту, и он хотел пить, к тому же он еще сильно проголодался и соскучился по настоящему мясу так, что был готов отдать сто – двести Евро за любое мясное блюдо.

Сейчас они пришли в приморский ресторан, расположились у крайнего столика у кадки с пальмой, и запах жареных креветок и специй летал в воздухе.

– Нет, мне не смешно, котик. Просто невероятные вещи ты рассказываешь мне, – ответила ему вполне симпатичная блондинка с короткой стрижкой.

Она была очень худая, и весь период знакомства с ней Егор только и слушал о вегетарианской диете и исцеляющем все недуги соке сельдерея. Сам он за компанию тоже отказался от мяса, но не по убеждению, а с целью более углубленной коммуникации. Эта блондинка нравилась ему своей доступностью и дразнящей развязностью, и он хотел ее. Сегодня перед отъездом в Россию он решил, что пришло время активных действий.

Блондинка сидела напротив, закинув свои стройные, но уж слишком худые ножки на стоящий рядом пуфик. Это, казалось бы, на первый взгляд, безобидное и привычное движение она сделала не для удобства, а чтобы показать любопытной публике красную подошву своих дорожных туфель. На ней также было вечернее платье из легкого белого ситца с глубоким декольте от Christian Dior, подчеркивающее красоту ее лебединой шеи. Платье сидело чересчур свободно, отчего ее маленькие груди с торчащими и вечно возбужденными сосками иногда выглядывали наружу. Егор смотрел на эту женщину с каким-то животным обреченным желанием, и это желание уже трудно было скрыть.

– Ты так смотришь на меня, будто готов меня растерзать, – заметила блондинка и засмеялась, прикрывая свой напомаженный алый ротик тонкой рукой с золотым изящным браслетом.

– Еще один день без мяса, и я бы это сделал, – признался он, глядя в ее серые глаза. – Спасибо, что вытаскала меня сюда.

– Я просто подумала, что это как-то развеселит тебя. Креветки тут чудесные, я бы сама попробовала, но пока на диете. И давай обязательно закажем вино. Ты же пьешь вино? Ну, не смотри на меня с удивлением, сегодня можно. Я разрешаю.

К их столику подошел молодой официант, смуглый араб с зачесанными вверх волосами. Он приветливо улыбнулся блондинке, и Егору показалось, что он даже одобрительно кивнул ей, что вот, мол, клиент-то что надо. Видно было, что они давно знакомы, что блондинка довольно частый гость в этом заведении. У официанта было прекрасное мускулистое тело, и вся его сила, вся его молодость словно просвечивали сквозь малиновую униформу заведе-

ния. Он что-то быстро сказал по-французски, из чего Егор только понял, что зовут его Абдель, и он будет обслуживать их столик.

Был тихий, располагающий к отдыху вечер. Солнце только начинало садиться, и в порту зажглись многочисленные огни. С набережной было слышно, как плещется волна о берег, крик чаек и угадываемые мотивы популярной музыки. На лазурном полотне моря белели многочисленные парусники и яхты. Егор приехал в сезон какого-то праздника, соревнований. Его спутница об этом что-то говорила, но он как-то упустил это из виду. Он был вообще холоден к этим экскурсиям, к этим разговорам. Для него было важно вырваться сюда, чтобы все обдумать, принять верное решение. В какой-то степени ему хотелось отвлечься и, может быть, даже развлечься. Вот уже год у него не было женщины, почти целый год, после той лунной кубанской ночи, которая изменила всю его жизнь. Сейчас он и его малознакомая спутница с мальчишеской прической сидели на летней террасе этого небольшого приморского ресторанчика. Было на редкость немногочисленно, народ предпочитал прогуливаться по набережной, но и здесь звучала французская речь, заполняющая все пространство каким-то изысканным заграничным шармом, к которому он так еще и не привык.

– *La carte des vins et le menu (Винная карта и меню)*, – кивнул почтительно Абдель и протянул Егору меню.

Они выбрали большую тарелку креветок, с неподдельным искусством оформленный овощной салат, оливки, а также взяли бутылку красного. Егор сделал вид, что не разбирается во французском вине и положился на выбор блондинки.

– Так ты мне все же не веришь, – печально констатировал он, когда они чокнулись.

– *A toi (За тебя)!* – засмеялась звонче бокалов его спутница, поменяв положение ног на пуфике.

Она откинулась на спинку кресла, и под сочными листьями пальмы, склоняющимися над ее головой, она как будто лежала в гамаке на пляже. Егор посмотрел на эту странную женщину, беспечно прожигающую свою жизнь на одном из лучших курортов Франции, и прикинул, сколько ей лет.

«Наверно, тридцать или, может быть, двадцать восемь», – предположил он.

Ему уже было за сорок.

«Хороший вариант для секса, заскучавшая по джунглям молодая тигрица, пусть даже на один или два раза. А чем еще ей тут заниматься? Муж в России, менеджер высшего звена в известной компании. Денег куры не клюют, наверно, и любовниц тоже предостаточно, а тут еще под боком молодая бесшабашная женушка, вечно сующая свой напудренный носик, куда не надо. Вот и отправил ее в Ниццу на зависть подругам, ну-ну, снял таунхаус с четырьмя спальнями с видом на Бухту ангелов, отрыл ей маленький бизнес. Теперь она не домохозяйка, а бизнес-леди, ведет свою страничку, находит обеспеченных туристов из России, показывает достопримечательности, фотографирует... Ну, а я один из тех, с кем можно завязать небольшую интрижку. А, может, она вообще психически ненормальная?»

Блондинка практически ничего не ела, лишь пригубила бокал и проглотила одну оливку, не сводя своего флиртующего взгляда с Егора. Салат перед ней на столе оказался не тронутым. Она вообще его заказала, скорее всего, для эстетики.

Егор жадно набросился на креветки и, пренебрегая правилами этикета, стал громко чавкать от удовольствия. Креветки так и таяли во рту. Он так проголодался, что совсем не почувствовал их вкуса. Блондинка посмеивалась над ним, достав из сумочки веер и помахивая им перед своим лицом. Егор быстро закончил блюдо и жадно схватил бокал с вином, оставив на нем след от жирных пальцев. Ему давно хотелось пить.

Он выпил бокал залпом и вытер растекшиеся по губам красные, насыщенные брызги салфеткой.

– Ну как тебе, котик? Это очень дорогое вино, – поинтересовалась блондинка. – Только ты пьешь его как сапожник. Не буду напоминать тебе марку, ты все равно не оценишь.

Она снова засмеялась тем беззаботным, глупым смехом, который уже начинал раздражать Егора. Да и не только его одного. Он заметил, как немногочисленные посетители ресторана стали неодобрительно перешептываться. Но блондинка не обращала на них никакого внимания. Сейчас она была в таком настроении, будто вся Ницца принадлежала ей.

– Ты на меня злишься. Напрасно. Разве можно на меня злиться? Посмотри, какая я красивая. А? Ну и как мне тебе верить, котик? – улыбнулась она, поставив в сторону недопитый бокал. – Ты приехал сюда на неделю, из России, подумать только, я и там мужчинам не верила, завтра тебя не будет, говори, что хочешь, вешай лапшу на уши здешним женщинам, и тебе ничего не будет, но мне не надо. Я все наперед знаю, к чему все это ведет...

– И к чему же? – спросил он, наливая себе еще бокал.

Его спутница прыснула от смеха, размахивая перед собой веером.

– Здесь есть туалетная комната, – приподнялась она. – Через пять минут ты должен подойти к ее двери и три раза постучать.

– А если я постучу четыре раза? Все равно мне откроешь?

Она вновь прыснула от смеха и, играючи, запустила в него веером. Затем она поднялась с кресла и, виляя узкими бедрами, направилась во внутренний зал ресторана. Егор проводил ее взглядом и выпил вино. Ее просьба зайти к ней в туалетную комнату не удивила его. Она всегда была прямолинейна с ним в своих желаниях. Но ему опять не верили, не доверяли. Это терзало ему душу, отравляло и без того плохое настроение. Он вспомнил жену. Она была совсем другой женщиной: скромной, покладистой и доверчивой. Почему он не ценил это? Почему все эти три года их совместной жизни пронесли так быстро, не оставив никаких следов, никаких фотографий и слепков. Кто вообще поверит, что у него была жена? Он сам иногда сомневался в этом. А обручальное кольцо на безымянном пальце, которое он все еще носил в память о ней, не являлось прямым доказательством ее существования.

Егор посмотрел на свою правую руку, на золотое кольцо на пальце.

Конечно, морально он был сейчас свободен. У него уже не было обязательств перед женой. В ту последнюю ночь они расстались навсегда, точнее, ушла она, а он не смог остановить ее, хотя всеми силами хотел. Но обстоятельства непреодолимой силы оказались сильнее его естественного желания удержать ее. Во всем был виноват дождь, этот чертов, выстраданный потом и кровью, ливень.

Он еще раз посмотрел в сторону эффектной блондинки, и почувствовал в себе неуверенность и раздражение.

«Зачем я ей все это рассказывал, – грустно подумал он. – Она все равно не верит, думает, что я заговариваю ей мозги. Да ей не надо заговаривать, у нее их и так нет».

Егор сделал жест, и к нему подошел Абдель.

– *Ça s'est bien passé, monsieur? (Вам понравилось блюдо?)* – спросил официант, забирая пустую тарелку из-под креветок.

Егор неохотно кивнул. Этот зазнавшийся, вечно держащий себе на уме выгоду и даже не скрывающий своего надменного превосходства араб стал омерзителен ему еще больше. И хотя тот не давал явного повода, Егор не выдержал и нагрубил.

– *Garçon, l'addition (Мальчик, счет)!* – сказал он сквозь зубы, сделав пренебрежительный акцент на слове «гарсон».

Официант сразу понял его намерение, но не показал вида и почтительно поклонился. Егору стало даже немного стыдно, он упрекал себя за грубость, оправдывался перед собой, что всему причиной была элементарная ревность. И в то же время, будь он на месте Абделя, он бы не выдержал таких оскорблений и дал бы в морду. Да, да, это был бы его последний вечер на этой работе.

Он сам выплеснул остатки вина в свой бокал и выпил.

4. Je veux que tu me fasses jouir

Расплатившись, мужчина решил прогуляться по набережной, посмотреть на парусники и пришвартованные в марине яхты. Погода была чудесная, и легкое опьянение только усиливало ощущение какого-то праздника. Грусть потихоньку оставляла его. Ему встречались улыбочивые счастливые люди, их настроение невольно передавалось и ему. Солнце медленно садилось за горизонтом. Это был очень красивый закат. Багряное светило медленно растекалось и плавилось в теплых морских течениях. Он даже залюбовался этим явлением, замороженный стоял и смотрел вдаль. Ему вдруг вспомнилась та последняя ночь: жена, читающая в приглушенном свете, старая саманная хата. И все как-то не верилось, что сейчас он во Франции с видом богатого туриста и успешного бизнесмена прогуливается по английской набережной, любит этим закатом. Ему также не верилось, что он только что распивал с молодой симпатичной блондинкой замечательное вино от Chateau De cremat, и та готова была отдаться ему в туалетной комнате уютного ресторанчика с видом на море, просто потому, что он понравился ей.

В этот момент, когда Егор, невольно остановившись, любовался закатом, кто-то подошел к нему сзади и закрыл глаза своими руками. Прохладные женские пальцы легли ему на лицо, и приятная дрожь от их легких прикосновений прошла по всему его телу. Он вздрогнул, взял эти руки своими руками, и, не поворачиваясь, стал целовать кончики этих пальцев.

– Не обижайся на меня, котик, я верю... – услышал он знакомый голос. – Просто ты меня пойми, кругом столько проходимцев. Я устала одна, понимаешь, среди этих мошенников, и самый главный мошенник – это мой муженек. Он уже в открытую звонит, а на заднем фоне голые бабы ходят. Ну что мне делать? Я тоже хочу любви... Ну, обними меня скорее, ну же...

Блондинка взяла его теплую послушную ладонь и с наслаждением приложила ее к своей груди. Видно было, она долгое время бежала за ним, и еще не отдышалась. Егор ощутил твердость ее набухших сосков и невольно обнял ее. Ему вдруг стало жаль эту запутавшуюся не по своей вине женщину, захотелось согреть ее, поцеловать. Их губы соприкоснулись, и они еще долго целовались на берегу, пока солнце окончательно не утонуло в море, и его последние блики не исчезли с водной глади, как затухающие в ночи угольки.

– Хочешь, котик, пойдем к тебе, я не против! – зашептала блондинка. – Я так устала от одиночества, от этих вечных голодных взглядов, от лицемерия общества тех, кому, в сущности, наплевать на меня. Веришь, я в первый раз встречаю нормального мужика, не лицемера, не гея, ну, не обижаешься, правда? Ты вдохнул в меня надежду, что мир не безнадежен. Откуда ты взялся, и почему раньше не приходил ко мне? А, котик?

Он улыбнулся ей, потрепав приветливо за щечку, и взяв женщину за руку, молча, повел ее по набережной в сторону отеля Negresco. Она, послушная и счастливая, шла рядом с ним, боясь также проронить слово, боясь спугнуть удачу. Она чувствовала, как хрупки и ранимы еще их отношения. И все же она не удержалась и засмеялась. Он посмотрел на нее с удивлением и остановился.

– Ну, право смешно... Честно, честно... я тебя еще уговариваю. Да, девяносто девять процентов мужиков языки высунут... Ты надеюсь, не возомнил себя Богом? А, котик? Это

кошунство, гордыня. Давай спускайся, а? Ну хорошо, хорошо... Если хочешь, будь Богом, только милосердным и добрым, хорошо? Ты же не злишься на меня, честно?

Она заискивающе посмотрела ему в глаза. Он опять почему-то вспомнил жену. Та тоже иногда смотрела на него так же, когда он шел напролом, и от него требовалась уступка.

– Не злюсь, – улыбнулся Егор.

– Ну, признайся честно, я хоть тебе чуть-чуть нравлюсь? А, котик? – не унималась блондинка, почти повиснув на нем.

– Ты же русская. Тебе важно нравится мужчинам, – ответил он уклончиво. – Вот почему ты следишь за своей внешностью и расстраиваешься из-за прыщика на носу. Да, ты красивая и немного наивная. Тебе важно найти того, с кем ты будешь, словно за каменной стеной, в полной безопасности и комфорте. И при этом, тебе важно любить и быть любимой, в конце концов, стать хорошей заботливой матерью своим детям. Здесь, за границей, все не так. Все идет к тому, что европейские мужчины разучились защищать своих женщин. Они становятся женоподобными, трусливыми. Европейским же женщинам не надо ничего доказывать. Они, наоборот, независимы и фригидны, не хотят детей, не спешат замуж. По большей части, все поменялось местами, они высокого о себе мнения и им не нужна опека. Сами заработают, сами все решат без мужчин. Этим объясняется твое одиночество здесь, твое мироощущение, что ты в чужой тарелке, и каши тут не сварить, как не вари.

Они сошли с утопающей в огнях набережной в сторону старой Ниццы, которая уже погружалась в вечернюю дымку ночи. Над всем этим великолепием возвышалась небольшая, поросшая лесом гора с руинами древнего замка, со смотровыми площадками и прохладными тенистыми аллеями.

– Так ты мне не все рассказал о своей жене, я так и не поняла, как ты ее не знал... – спросила где-то на полпути его спутница. – Ты уж прости за вопросы, но я натуральная блондинка.

Она опять засмеялась тем раздражающим его, глупым смехом, и он вдруг представил ее в своей холостяцкой постели конченной извращенкой, визжащей от удовольствия. И ему стало тошно.

– Если честно, – нахмурился он. – Я сам еще до конца не осознал, что произошло со мной. Да, у меня была жена, ровно год назад я также, как и тебя, обнимал ее за талию... Тогда мы жили на Кубани, я пробовал вырастить свой виноградник, ни чуть не хуже, чем та кислятина, которую ты мне предложила сегодня, но... увы...

Он вдруг закашлял, припоминая события той последней ночи, и чувства давно забытой досады на себя отразились на его уставшем лице. Но блондинка продолжала смеяться, совсем не замечая его настроения. Ей показалось, что спутник немного не в себе от выпитого алкоголя, и она даже přátельски похлопала его по спине, будто он подавился оливкой или запнулся на чем-то.

– Ну-ну... У тебя там в отеле, надеюсь, хороший кофе? Непременно надо выпить по чашечке. А? И хотя я не пью, ну ты знаешь мою диету, но сегодня в качестве исключения... Непременно, непременно, по одной маленькой чашечке... Вот видишь, как ты дурно влияешь

на меня, с тобой мне хочется пуститься во все тяжкие... Может, и не надо идти в отель? А, котик? А вдруг я там чего-то натворю, а? Да чего мы медлим, как подростки? Мы же взрослые люди, зачем эти игры, эти приличия, все это одно сплошное лицемерие. Ты хочешь меня, я хочу тебя, и у нас нет обязательств, ты же никому ничего не должен, правда, котик? Я хочу тебя прямо здесь, прямо сейчас... Прости, прости, я сумасшедшая... Да, я, возможно, буду кричать, я всегда громко кричу, один раз полицию вызывали, ну это давно было и неправда, да и не здесь вовсе, а тут хорошие люди, они поймут. Они знают, что мы русские, понимаешь?

Она вдруг стала толкать и погонять Егора в спину, словно учительница нашкодившего школьника. Вскоре они оказались между двухэтажными каменными домиками, украшенными выющимися зелеными лианами. Эти лианы дотягивались почти до крыши, обвивали балконы и мансарды, создавая значительную тень на выложенной из булыжника улочке. Лабутены блондинки стали спотыкаться об эти камни, и она стала разуваться на ходу, чтобы не сломать каблук. С моря сюда задувал соленый бриз и играл с ее легким платьем, то и дело меняя направление. Егор смотрел на блондинку с каким-то нездоровым вожделением. Буквально полчаса назад у него уже был шанс и он благополучно упустил его, но сейчас он почувствовал в себе сильный плотский инстинкт, который овладевал всем его сознанием и толкал вперед.

Он подошел к своей спутнице сзади, пока она мешкалась с обувью, и приподнял ей платье, обнажив ее татуированные ягодицы. Она продолжала смеяться, застежка на одной из туфель не расстегивалась, и женщина так и стояла, наклонившись к нему спиной.

– Я и не знал, что ты масонка, – заметил он одну из интимных тату в виде звезды Давида на левой ягодице.

Блондинка, очевидно, не знала значения этого слова, но восприняла это как комплимент. Мужчина, между тем, присев на корточки, стал целовать ее там, глубоко вдыхая ее запах, смешанный с ароматом сладкого опиума. Голова у него стала кружиться, мысли путались от шокирующих непристойностей, и, слушая этот беззаботный женский смех, который начинал сменяться вскриками и стонами, Егор спустил до колен плотно облегающие кружевные трусики спутницы, и приподнялся в полный рост, чтобы расстегнуть ширинку.

– Погоди, котик, погоди, – зашептала блондинка, роясь в своей сумочке, стоявшей возле ее босых ног.

Она вытащила из нее шуршащую обертку, раскусив ее зубами, ловко достала презерватив и помогла мужчине надеть его. И Егор снова развернул ее спиной к себе, торопясь войти, но, почувствовав, что не в силах сдержать себя, слишком долго он воздерживался, отпрянул назад. Но все равно уже было поздно. Возбуждение спало, и он с досадой освободился от презерватива, небрежно засунув его себе в карман пиджака.

Блондинка подумала, что он просто вдруг расхотел ее. Она поднялась, сделала обиженно губки бантиком, и почему-то перейдя на французский, шепнула ему тихо в самое ухо.

– Je veux que tu me fasses jouir, mon petit mignon. (*Я хочу, чтобы ты меня поласкал там, котик*).

И он стал ласкать ее, сначала медленно, потом ускоряя темп, а она, облокотившись о его свободную руку и запрокинув голову, минуты три постанывала, пока вдруг не вскрикнула

и не замерла. Пока она приходила в себя, Егор оглядывался по сторонам, боясь увидеть случайных свидетелей.

– Все... Все... Я кончила, ça veut dire que j'ai fini, j'ai fini... – выговорила она. – Отпусти меня.

В одном из домов наверху включился свет, кто-то выглядывал в окно, пытаясь разглядеть в тени лиан «влюбленную парочку». Нужно было уходить. Блондинка привела себя в порядок, поцеловала Егора в губы, и они вновь свернули на набережную.

– Так ты говоришь, что жена у тебя еще та темная лошадка, да? – спросила она Егора, когда они вышли к морю. – Кто бы мог подумать?

Он многозначительно кивнул, идя чуть-чуть позади, немного отставая от своей спутницы. Ему хотелось поскорее избавиться от использованного раньше времени презерватива, и он облегченно вздохнул, когда увидел урну. Неприятное чувство овладело им, он был зол на себя, что у него не совсем получилось, что он хотел совсем по-другому. Одновременно он чувствовал и болезненную вину перед женой, пусть и оставившей его, но все же он еще любил ее, а, значит, изменял. И это неприятное чувство все больше давило на него, он искал оправдания своему поступку, искал какие-то нелепые причины расстаться сейчас с этой женщиной, и в то же время не хотел обидеть ее. Она была не виновата в своей женской природе просто любить и быть счастливой. Он видел в ней родственную душу, видел одиночество в ее серых глазах, и это одиночество было понятно ему, как никогда прежде, потому что он и сам был сейчас одинок.

Они шли по набережной в сторону марины, где стояли пришвартованные кормой небольшие яхты. Их очертания плавно покачивались на волнах, словно дремали. На конце врезающегося далеко в море причала светил маяк, который манил и звал своим спасительным светом всех обреченных и потерявшихся.

– Ты знаешь, я тогда в ту нашу последнюю ночь вдруг осознал, что очень люблю жену, что без нее не могу жить, и что если вдруг будет разлука, а разлука уже тогда витала над нами, то я не смогу этого перенести. Я погибну, как лебедь в тоске по любимой. Мне стало невыносимо больно, что столько времени я уделял винограду вместо того, чтобы просто проводить время с ней. Мы планировали детей, и в ту последнюю ночь она прямо сказала мне, что хочет ребенка, у нее было самое подходящее время, и мы занимались любовью, а потом, – он опять задумался, словно припоминая что-то, – пошел дождь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.